

СООТНОШЕНИЕ СТИХИЙНОГО И СОЗНАТЕЛЬНОГО В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Классик социально-экономической мысли недавнего прошлого В. И. Ленин справедливо утверждал, что прежде чем браться за частные задачи, необходимо найти решения общих. Этот методологический принцип становится особенно актуальным, когда знакомишься с дискуссионными материалами по так называемой рыночной экономике и путях перехода к ней в Украине. И вопрос: не утопичны ли цели этой нашей ошеломившей и изменившей мир перестройки — мучает всех: и сторонников, и противников, и скептиков, и оптимистов.

Если не впадать в романтические иллюзии, очевидно, сегодняшнее понимание происходящего и поведение людей — во многом производное от прошлой политической культуры. Мы и сегодня видим, как тянутся люди к простым решениям, простым толкованиям всех противоречий и сложностей мира. Разве не этим объясняются антирыночные мнения и настроения не только многих необученных экономике наших сограждан, но и вполне образованных людей?

Первое, о чём думаешь, читая бесчисленные критические материалы по проблемам рынка, а обо всём ли корректно спорить?

Вот, например, уже очень давно Французская Академия отказалась принимать работы, пытающиеся доказать возможность построения вечных двигателей как первого, так и второго рода. Нет, никому на досуге не запрещено этим заниматься, но серьёзные люди отказались это обсуждать. В их среде спорить об этом, значит показать свой полный непрофессионализм, стыдно. Ну, это физика (механика, термодинамика), а как быть, если знание касается социально-экономической сферы? Есть ли тут такие закономерности, постулаты, аксиомы, которые, как, например, закон сохранения энергии, вносят запрет на обсуждение тех или иных вещей в “приличном обществе”?

Судя по сегодняшним публикациям, и, к сожалению не только га-

* Кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и управления экономико-правового факультета ОГУ им. И. И. Мечникова.

зетным, в социально-экономических теориях таких запретов нет. Не взирая на лица, научный авторитет, “опуская” их человеческую значимость различными политико-моральными оценочными эпитетами, идёт безостановочная и мало доказательная, конъюнктурная критика любых, чем-то не понравившихся экономических положений. И, если раньше один специалист спорил с другим, прибегая к аргументации, почерпнутой из сокровищницы мировой научной мысли, то теперь нередко какой-то известный в своём узком кругу журналист костерит на чём свет стоит высокочлассного специалиста по финансам, призывая на подмогу мнение председателя “лежащего” со времён развитого социализма колхоза.

Для примера обратимся к продолжающейся дискуссии о том, какой должна быть экономика: рыночной, плановой, смешанной или ещё какой-то. Читая и слушая спорящих, можно предположить, что экономика бывает и не рыночной. Попробуем рассмотреть вопрос с самых общих позиций.

Думаю нетрудно согласиться, что любая экономика включает в себя, как минимум, двух основных субъектов: производителя (продавца) и потребителя (покупателя). Их взаимодействие и есть... рынок. Любая экономика с момента её возникновения была, есть и будет рыночной! Однако реальный рынок действительно имеет много состояний, характеризующихся степенью свободы его основных субъектов. И каждому состоянию при желании можно давать определённое название. Отметим два крайних (экстремальных) состояния: первое — максимальная свобода производителя и незначительная — потребителя; второе — близкая к полной свобода потребителя и минимальная свобода производителя. Между этими экстремальными состояниями существует масса промежуточных, часть из которых в зависимости от развитости экономики и многих других привходящих обстоятельств, включая менталитет конкретного этноса, будет соответствовать определённому оптимуму. Найти наилучшее соотношение между свободой и ограничениями в отношениях производителя и потребителя — дело специалистов. И решение этой задачи лежит прежде всего в процессах управления экономикой, где можно отдавать предпочтение как сознательным (плановым), так и стихийным (конкурентным) регулятивным механизмам.

Таким образом, вряд ли перспективно, как в научном, так и в практическом плане противопоставлять плановые механизмы управления экономикой — рынку. Они — неотъемлемая часть последнего. Впро-

чем, критики рынка, не раз сами указывают на присутствие планирования в экономиках тех стран, которые мы традиционно относим к странам с “рыночной экономикой”. И наличие планирования в рынке вовсе не доказывает, что может реально существовать ещё какая другая экономика, кроме рыночной.

Для относительно полной свободы товаропроизводителя, т. е. для того, чтобы он, производя товары и услуги, не особенно утруждал себя мыслью, кому они нужны и каково их качество, — необходим специальный режим управления обществом. Наиболее соответствующим является социализм. Такое общественно-экономическое устройство социума даёт возможность по большей части игнорировать потребности потребителей и распределять среди них произведенный продукт. Наши производственники, развращённые социализмом, особенно тяжело переживают утрату своих прежних возможностей работать на склад, почти не задумываясь о сбыте.

Во времена социалистического строительства в СССР производственники постоянно жаловались на свою несвободу, когда речь заходила о нововведениях, качестве продукции, цене и т. д.. Они не понимали (да и сейчас это понимают не все), что возможность не думать о таких вещах, как продажа, постоянный государственный заказ и материально-техническое обеспечение под него — это и есть максимальная свобода производителя. Впрочем, не нами сказано: “свобода — это рабство”.

Вышеизложенное является примером использования преимущественно плановых (сознательных) механизмов управления рынком. Именно в этом может состоять и максимальная защита современного отечественного товаропроизводителя от всяческой, как добросовестной, так и недобросовестной конкуренции. Зверьё в зоопарке максимально защищено от превратностей джунглей: делай в клетке, что хочешь, теряй даже инстинкты — всё будет “о’кей” — зрителей мы им всё равно обеспечим, хоть школьников, хоть дюрок за десятки километров привезём, чтобы полюбовались, и животные смогли бы заработать себе хоть на какое-то, пусть скудное пропитание. К чему это приводит “братьев наших меньших” — это из другой науки, а вот к каким результатам такая односторонняя забота о производителе приводит промышленность, сельское хозяйство и сферу услуг — хорошо известно из нашего горького опыта.

Свобода одних — это несвобода других участников рынка.

Плановая (социалистическая) свобода производителя ведёт к от-

существованию свободы выбора у потребителя. Кроме того, потребитель — “раб” не может стимулировать свободного от обязательств перед ним производителя и последний, последовательно проходя соответствующие стадии от “хозяин-барин” до частичной или полной потери квалификации, умирает, оставляя потребителя даже без того не очень качественного продукта труда, что был раньше.

Напротив, близкое к полной свободе поведение потребителя больно бьёт по производителю, заставляя верно служить “прихотям” покупателя, удовлетворяя его жажду свободы выбора. Производитель в этом случае, как это ни странно для социалистически ориентированного покупателя, вынужден начинать производство с организации продаж. Эта крайняя зависимость товаропроизводителя, имеющая также существенные недостатки, обеспечивается особым экономико-политическим режимом — демократией. Демократия благоприятствует индивидуальной предпринимательской деятельности, развивает конкуренцию между производителями, а социализм ограничивает и то, и другое.

Таким образом, социализм противостоит вовсе не капитализму, как особая общественно-экономическая формация, а, прежде всего, демократии в качестве противоположного ей режима управления экономикой. Об этом ещё в конце 19-го века писал знаменитый французский исследователь Г. Лебон в своей, без всякого преувеличения, пророческой книге “Психология социализма”: “На самом же деле нет политических понятий, отдалённых друг от друга большей пропастью, чем демократия и социализм” [1]. Недаром наиболее резкая, иногда просто истерическая критика демократии и демократов идёт из уст приверженцев социалистического способа управления экономикой. Они нутром чувствуют противоположность обсуждаемых понятий, хотя ещё совсем недавно поддерживали один из лозунгов последних съездов КПСС “Больше социализма — больше демократии!”. По нелепости последний вполне может быть сопоставим разве что с призывом к экономике быть экономной.

Социалистическая экономика — это вырожденный случай всё того же капитализма. То, что мы вслед за классиками марксизма-ленинизма воспринимали как особую общественно-экономическую формацию, является лишь частным случаем монопольного управления рынком при помощи плановых механизмов, превращающих обычный капитализм в государственный, также основанный на эксплуатации наёмного труда. Поэтому сторонников социализма можно успоко-

ить. В нашей стране не уничтожается социализм. Мы не переходим от социализма к капитализму, так как давно живём в нём. Мы просто учимся оптимально соединять централизованное и локальное планирование с экономическим индивидуализмом, т. е., сочетать сознательное и стихийное начало в управлении производством.

Как видим, социализм не новая формация, противостоящая капитализму. А вот демократия и социализм действительно противоположности. И как положено противоположностям, находятся в единстве, т. е., предполагают наличие друг друга, не существуют друг без друга, уничтожаются при уничтожении одной из них, что и произошло в Советском Союзе.

О чём же мы спорим? Давайте договоримся хотя бы о понятиях.

Говорить о социализме сегодня как особой ступени исторического процесса, закономерно приходящей на смену предыдущей — капитализму, значит игнорировать как современную цивилизационную теорию, так и громадный прошлый опыт. Вот как, например, подводит итоги своих и многочисленных чужих теоретических исследований, опираясь на результаты социалистического эксперимента проведенного самой жизнью на большинстве континентов, рас и наций, советский философ Мераб Мамардашвили: “Теория общественных формаций, в которой рабовладение сменяется феодализмом, а затем — капитализмом и, наконец, социализмом — это чистый кретинизм. До предела упрощённая концепция, предназначенная исключительно для того, чтобы запихнуть весь мир в самую маленькую головку, в полуатрофированный мозг человека, не желающего сделать даже усилия, чтобы попытаться думать...” [2].

Между противоположностями существует единство и другого рода. Единство как равновесие, ограничивающее их борьбу между собой. Именно равновесие вышеуказанных противоположностей (демократии и социализма) способно определять оптимальность рынка как специфическое взаимодействие его субъектов. При этом нужно учитывать, что несмотря на единство, в каждой паре одна из противоположностей является ведущей. В противоречии “демократия — социализм” демократия — ведущая сторона, так как она обслуживает отношения индивидуализма и частной собственности, обеспечивающие экономике собственное мотивационное начало. И в этом смысле демократия обладает относительной самостоятельностью. Социализм же не имеет мотивационных стимулов к труду и потому не имеет самостоятельного значения. Плановое начало не может быть противо-

поставлено индивидуализму, так как без него просто не может существовать.

Как поддерживать это равновесие, как добиваться оптимальности — это сквозная задача всего общественно-экономического цикла наук и практической деятельности людей. Ответы следует искать на разных уровнях. Но, прежде всего, внести ясность на общетеоретическом, философском уровне.

На мой взгляд, для решения поставленной проблемы, прежде всего, следует ответить на более общий вопрос: чем отличается характер действия законов природы от действия законов общества?

Этих отличий много, но основное состоит в том, что первые нельзя обойти или безнаказанно нарушить в практической деятельности. Именно практика зачастую немедленно сигнализирует об ошибке. То, что противоречит законам природы, неистинное знание о ней, заблуждение просто невозможно воплотить в действительность, разве что на миг, который может стать последним.

Далеко не так обстоит дело со знанием об обществе.

Первое — законы жизни и развития общества далеко не сразу сигнализируют об их нарушениях, что даёт возможность претворить в жизнь любой, в том числе и утопический социальный проект, так как негативные или даже катастрофические последствия воплощения не истинного знания наступают со значительным опозданием во времени. Иногда проходят годы, десятилетия и даже века. Вследствие этого зачастую утрачивается непосредственная связь между негативными последствиями и породившими его причинами. Социальный проектант может так и не понять этой связи, а может и не дожить до её понимания. Временной зазор в проявлении причинно-следственных связей жизни общества может быть столь велик, что и будущее поколение эту связь либо не уловит, либо свяжет последствия с совершенно не относящимися к делу причинами. С общественными закономерностями происходит примерно то же самое, что с верой в Бога: поскольку он обычно не наказывает немедленно, то многие и не верят в его наличие. Люди убеждены в том, что достаточно выдумать умные учреждения и законы, чтобы кардинально изменить мир согласно абстрактным принципам справедливости. “Они ещё питают иллюзии..., — пишет Г. Лебон, — что общество есть вещь искусственная, которую благодетельные диктаторы могут совершенно пересоздать” [1].

Второе, это соотношение стихийного и сознательного начал в проявлении и использовании законов природы и общества.

Как известно, “стихия” у древнегреческих философов — это специфическая концепция первоначала вещей. Греческие натурфилософы расходятся в понимании “первоначала” (архе) всех вещей и всеобщего миропорядка, но все они сходятся в том, что первоначало — это не мертвое вещество или инертная материя, а природная стихия — живое и активное начало, формирующее и регулирующее мировые процессы. Идея об “архе”, предполагает наличие в мире всеобщего и сохраняющегося начала. Она явилась необходимым условием перехода в античной теории мироздания от первоначал наглядно-образных (огонь, вода, воздух и земля) к отвлечённым типа гераклитовского логоса. Логос — это вечно живая стихия космического огня, которая представляет собой скрытый строй объективного мира. У Гераклита идея постоянства всего выражена не менее ярко, чем идея о всеобщем изменении. И постоянство изменений осуществляется по определённым объективным законам этой внутренне противоречивой стихии.

Как видим, слово “стихия” первоначально никакого негативного смысла не содержит. От этого слова происходит определение “стихийный” и “стихийность”, т. е. то, что вызвано действием сил естественных, неподвластных полному контролю человеческого разума. Для них, древних, было ясно, что стихии всегда “будут иметь место быть” в жизни людей!

Вслед за ними, достаточно смиренно признаём этот факт в отношении природы и мы. Когда определение “стихийный” относим к природным явлениям, в нём слышится известное уважение к неуправляемым силам и даже страх. В то же время, если прилагательное “стихийный” относят к общественным явлениям, то у него появляется опасно-пренебрежительный смысл, указывающий на то, что отмеченное социальное явление плохо или совсем неорганизовано, беспланово, обладает неуправляемостью, которую непременно нужно полностью устранить. В таком подходе имплицитно присутствует также и уверенность в том, что этого можно непременно достичь.

Под воздействием марксистско-ленинской парадигмы понимания социального развития в общественной психологии утвердилось понимание стихийности как чего-то изначально отрицательного, чуждого закономерному развитию общества. Отрицание стихийности, непонимание её естественной роли в общественных процессах, обусловлено абсолютизацией ленинского принципа о полностью управляемом характере социалистического общества. И хотя практика строительства со-

циализма в нашей стране, а также других странах мира, показала, что стремление к полной управляемости социально-экономической жизнью ведёт к утрате её эффективности, полное уничтожение элементов стихийности в экономике ведёт к плановой (т. е. сознательной) анархии производства, большинство наших сограждан всё ещё находится в плену представлений о сознании и воле как верховных регуляторах поведения людей. Человека, руководствующегося, с определённой точки зрения, социально-ценными мотивами к труду, называют “сознательным”, а эгоизм, индивидуализм до сих пор проходит за счёт “мелкобуржуазной анархии и несознательности”, т. е. стихийности.

Сложилась парадоксальная ситуация: в общественном сознании произошло отождествление действий индивидов со слепыми (стихийными) силами общества, с одной стороны, и оформленных групп людей (коллективов, партий и т. п.) с порядком и сознательностью, с другой. В философском энциклопедическом словаре читаем: “Если люди действуют лишь в своих непосредственных интересах, и так как такие интересы весьма часто бывают противоречивыми, то может возникнуть несоответствие между ближайшими и более отдалёнными результатами их деятельности. В таких случаях конечные последствия сознательной деятельности людей оказываются стихийными” [3]. Далее из этой статьи узнаём, что победа социализма, благодаря уничтожению капиталистической конкуренции и совпадению интересов отдельных тружеников с интересами всего общества, означает коренной перелом в ходе общественного развития. Это ведёт к постепенному подчинению обществу стихийных сил экономического развития, так как “экономические законы социализма требуют сознательного руководства жизнью общества”. Прямо противоположного мнения придерживается Адам Смит и его последователи: “Каждый отдельный человек старается употребить свой капитал так, чтобы продукт его обладал наибольшей стоимостью. Обычно он и не имеет в виду содействовать общественной пользе и не осознаёт насколько содействует ей. Он имеет в виду лишь свой собственный интерес, преследует лишь собственную выгоду, причём в этом случае он невидимой рукой направляется к цели, которая не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится служить им” [4]. С точки зрения марксистской парадигмы научное управление обществом следует осуществлять так, чтобы заменить стихийность сознательным выбором, подчинить стихийность личных потребностей и интересов потребностям и интересам больших и малых

оформленных групп. Трудность только одна: найти людей, которые бы искренне ставили свои личные потребности ниже общественных, сознательно нивелировали или элиминировали свою индивидуальность. А так как таких людей в природе немного, то, следовательно, возникает идея перевоспитания стихийного (естественного) человека в “нового человека”. Опыт строительства социализма в нашей стране показал, что большая часть людей плохо поддаются такому воспитанию, поэтому приходилось ужесточать методы последнего вплоть до самых крайних. Хотя и это помогало мало, так как вновь нарождающиеся граждане, в том числе и отпрыски самых стойких и убеждённых коммунистов, несли в своих генах “родимые пятна прошлого” — индивидуальные способности, которые проявляли себя в эгоистических желаниях, потребностях и интересах.

Убиваемая стихия вновь и вновь возрождалась и возрождается к жизни, ибо она естественна. Игнорируя законы генетики, убивая лучших представителей этой науки, КПСС и социалистическое государство каждое новое поколение советских людей пыталось переформировать в “новых человек”, основным достоинством которых было бы максимальное присутствие коллективизма в совокупности с “сознательным отношением к труду”.

Кстати, о “сознательном отношении к труду”. В. И. Ленин, описывая стимулы к труду в различных общественно-экономических формациях, отмечал: “Крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки.... Капиталистическая... держалась на дисциплине голода.... Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся...” [5]. Как видим, Ленин, выделяя стимулы к труду, отдаёт предпочтение сознательным / искусственным / стимулам перед естественными (стихийными), “... ибо успех социализма немыслим без пролетарской сознательной дисциплинированности над стихийной мелкобуржуазной анархией...” [6].

Однако чувство голода стихийно воспроизводится в каждом живом существе, в том числе и человеке, впрочем, как и чувство страха, а вот сознательное отношение к труду надо воспитывать в каждом новом поколении людей. И, надо сказать, без особого успеха, так как сознательная дисциплина мало того, что целиком искусственное образование, но и вообще не является стимулом к труду, так как тоже нуждается в естественных регуляторах.

Именно естественных, а не искусственных, в виде социалистического соревнования. Сам Владимир Ильич, закладывая основы организации социалистического соревнования, не забывает и о мерах принуждения, “чтобы лозунг диктатуры пролетариата не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти...” [6].

Фактически естественные стимулы к труду (по ленинскому определению “Палка” и “Голод”) не упраздняются. Они просто теперь призваны стимулировать “сознательное отношение к труду”. Пролетарский вождь предлагает обуздать стихию, “митинговый демократизм трудящихся масс железной дисциплиной во время труда... беспрекословным повиновением — воле одного лица, советского руководителя...” [6]. Такое положение вещей напоминает призыв одного английского учителя: “Мальчики, будьте чистосердечными, или я буду пороть вас до тех пор, пока вы ими не станете”.

Полезность дисциплины, её необходимость на производстве неоспорима. Но в данном случае уместно спросить, чего мы ждём: высокопроизводительного труда или особого отношения к нему? В своём стремлении быть “святее папы римского” Ленин не обращает внимания на такие слова К. Маркса: “Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей и ради органа этой потребности” [7].

Эта мысль находит поддержку и доказательство в исследованиях современных психологов. Л. С. Выготский предупреждал, что мысль рождается не из другой мысли, а из сферы потребностей и интересов. “Мышление вооружает потребности, — подводит итог своим многолетним исследованиям акад. П. В. Симонов, — средствами и способами их удовлетворения, определяет нормы удовлетворения, отражает в них уровень развития цивилизации, степень познания природы самого человека и окружающего его мира” [8]. Такого же мнения придерживается известный украинский учёный академик Н. Амосов. Он пишет, что у животных разум напрямую реализует требования чувств. У человека же есть серьёзное усложнение: разум творческий. Но всё равно биологического у людей вдвое больше, чем социального. Академик считает: “биологическая жадность стимулирует производство, а оно, в свою очередь, подгоняет потребление”. Потребность в частной собственности Амосов ставит во главу угла, говоря о капиталистическом общественном строе, если не как идеальном, то единственно возможном и наиболее приемлемом. “Коллективная собственность “небиологична”, — приходит к выводу учёный, опираясь на

данные своего многолетнего исследования, из которого следует, что эгоизм и альтруизм относятся как 10:1, “моё” в 20 раз сильнее, чем “наше”, по силе характера 10% самых сильных отличаются от 10 самых слабых в 3 раза, а агрессивность в 50(!) раз сильнее сопереживания. Он убеждён, что “частная собственность и демократия сохраняются”, ибо биология человека не изменится [9].

Практика показала, что более или менее полная управляемость социально-экономической жизнью возможна лишь за счёт её эффективности: либо допущение элементов стихийности, либо полная плановая (т. е., сознательная) анархия общественной жизни. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что история общества — это результат диалектического взаимодействия стихийности и сознательности. Здесь уместно заметить также, что диалектическое единство не абстрактное тождество противоположностей и, конечно, включает в себе борьбу, но не сводится исключительно к ней. Видимо, не случайно этот закон у Ф. Энгельса называется законом “взаимного проникновения противоположностей”. Такой подход более соответствует гегелевскому пониманию противоположности “как другого, но своего другого” и переносит акцент с борьбы противоположностей на их единство, как некоторого целого.

Диалектика стихийности и сознательности непременно связана с проблемой соотношения необходимости и свободы. Следует отметить два аспекта этой проблемы: свобода как познанная природная необходимость и свобода как познанная общественная необходимость. Эти два аспекта взаимно связаны, но вместе с тем, каждый имеет свою специфику.

Свобода человека по отношению к силам природы есть познанная необходимость. Движение к этой свободе развивает коллективистские формы взаимодействия людей, т. е., сложные и многотрудные экологические отношения укрепляли и актуализировали генеалогические, а затем и общественные отношения. Но эта (заметим, относительная) свобода была оплачена другой несвободой. Индивид, освободившись от одной зависимости, закабалялся другой — сложнейшей зависимостью от коллектива, общества в целом.

Если в первом случае действительно можно говорить о свободе как о познанной необходимости, то во втором — свобода в обществе, на мой взгляд, представляет собой процесс раскрепощения индивидуальности. Множество сознательных волей, желаний, потребностей и интересов образуют стихийный процесс диалектически проти-

входящий коллективному как своему, но другому своему в рамках целостного общественного организма.

Давая возможность развиваться и проявляться индивидуальности, общество тем самым противостоит упрощению и собственной гибели, ибо уничтожив в борьбе одну из пары противоположностей, оно губит и вторую (коллективность). А они только вместе — индивидуальность и коллективность — могут поддерживать естественное жизненное диалектическое единство стихийности и сознательности в использовании объективных законов развития общественной жизни. Другими словами, последнее держится на другом неразрывном единстве — диалектике индивидуальности и коллективности.

Практика социалистического строительства, положившая конец стихийности общественного прогресса, показала, что это возможно лишь за счёт ограничения индивидуальности, увеличения несвободы людей. Но она же показала и то, что вместе с этим общественная жизнь идёт не от стихийности как ещё *непознанной естественности* к полностью сознательному использованию объективных законов развития общества, а просто переходит к другому виду или типу стихийности, а именно, к фактически также *непознанной искусственности*. Какая же стихия более опасна?

Мы привыкли к мысли, что люди делают историю не по произволу, а в строгом соответствии с её законами. С этим тезисом можно было бы согласиться, если была уверенность в том, что нам сегодня известны эти законы. Но, увы, её нет. Наоборот, сомнение усиливается, когда подумаешь о том, а как люди творили историю до открытия этих законов — по произволу или всё же в “строгом соответствии с законами общественного развития”? Или не творили её вовсе?

Хочется выразить, на мой взгляд, вполне обоснованное сомнение в современной уверенности части обществоведов в истинности их знаний и констатировать, что люди зачастую делают историю именно по своему произволу, внедряя в жизнь свои социальные проекты, материализуя своё представление о будущем устройстве общества. (Мы, бывшие граждане СССР, хорошо об этом знаем). И этот произвол может продолжаться достаточно долго. Единственно что успокаивает, что не вечно.

Субъективный материализованный выбор социального проектан-та, независимо от того правильный он или нет, становится действительностью для его современников. А для последующих поколений этот *материализованный субъективный выбор становится уже объек-*

тивными условиями его существования. Эта новая *искусственная естественность* тоже стихийность, но стихийность, порвавшая преемственность со своей прародительницей естественной стихией, законы функционирования которой уже могут и не распространяться на появившуюся социальную химеру. *Новая химерическая стихия, ставшая действительностью, очень опасна — законы её жизни уже не определяются естественной стихией, они совершенно не изучены, они не известны даже самоуверенному творцу новой стихии, причём зачастую в ещё большей степени, чем законы той естественной стихийности, от которой он так легкомысленно отказался.* Вспомните, как долго и мучительно искали так называемые политэкономические законы социализма. И, если К. Марксу удалось дать в “Капитале” материалистический анализ законов функционирования и развития капитализма, то политэкономы социализма остановились на нескольких абракадабрах вроде “закона пропорционального развития” или “высшающихся потребностей”.

Спроектированная искусственная стихия, эта объективированная субъективная реальность, “неразумная действительность”, ставшая на время новыми объективными условиями существования индивидов, убивает естественную природную индивидуальность людей. Ей нужны новые люди с неестественными свойствами, которые, если и встречаются, то у небольшого количества людей. Обычно, искусственная общественная стихия не терпит разнообразия индивидуумов, из которых состоит человечество.

Тип управления обществом, возникший в нашей бывшей стране, будучи жестко централизованным и якобы научным, не только, как видим, не противостоит стихийности, а напротив, её усиливает. При жестко централизованном управлении широко распространяется подмена научности субъективизмом и волюнтаризмом. Недаром, не один пленум ЦК КПСС был посвящён проявлениям волюнтаризма, в том числе и на самом высоком уровне. Лишение естественности подавляющего большинства звеньев и структур хозяйственного аппарата и отдельных людей приводит к концентрации искусственных стихийных форм деятельности в высших эшелонах власти.

В сравнении с нами западный капиталистический мир не развивался, а брёл без компаса и карты. Они не имели грандиозного и детализированного проекта переустройства своего общества, как мы. Однако, живя столь стихийно, этот мир оставил нас далеко позади.

С вышеизложенной позиции так и должно было случиться, пото-

му что глобальное социальное проектирование порождает худший вид искусственной стихийности и она не жизненна. Любая попытка подчинить человеческую историю долгосрочному рациональному плану обречена на неудачу, ибо оскোпляет стихийные эволюционные возможности общественного прогресса, нивелирует индивидуальность людей, противостоит их природе.

Посягать на предвидение будущего было бы излишней самонадеянностью, поскольку даже естественные природные процессы не являются абсолютной истиной на определённом временном отрезке. Надо отказаться от проектного подхода к истории. Этим мы избежим властного субъективизма и волюнтаризма, раскроем возможности социальной эволюции, откроем дорогу развитию индивидуальных способностей наших людей, определим место и реальную роль коллективизма, избавимся от непосильного труда по составлению глобальных проектов переустройства социальной жизни на основе абстрактных моральных принципов, избавимся от иллюзии, что это вообще возможно, перестанем пытаться воспитывать искусственных “новых” людей, отречёмся от насилия над естественным ходом истории, от фанатизма следования одной идее, откажемся от социальной алхимии. Наконец-то станем жить сами, а не строить какую-то “светлую” жизнь для других.

Только множество раскрепощённых сознательных воли, желаний, целей, потребностей и интересов может оседлать естественную стихию исторического прогресса. И это может сделать демократия, но лишь совместно, в паре с непримиримой, но своей противоположностью — социализмом. Необходимо не бросаться из крайности в крайность, а продолжать разрабатывать конкретные модели оптимального соединения стихийной самодеятельности масс с сознательным планированием, демократии с социализмом. И, видимо, добиться этого естественней под политическим патронажем социал-демократической партии, программа которой, естественно, охватывает обе стороны процесса управления экономикой — как естественные (стихийные), так и искусственные (сознательные) механизмы регуляции.

Литература

1. См.: Лебон Г. Психология социализма. — Санкт-Петербург: Макет, 1995. — С.16, 362.
2. См.: Мамардашвили М. К. Мысль под запретом. // Вопросы философии. — 1992. — №5. — С.103.

3. См.: Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С.624
4. См.: Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М., 1962. — С.332.
5. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т.39. — С.14.
6. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т.36. — С.190, 203, 190.
7. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т.3. — С.245.
8. См.: Симонов П. В. Человек как комплексная проблема. // Вопросы философии. — 1983. — №10. — С.45.
9. См.: Амосов Н. М. Моё мировоззрение. — К., 1998.